

Святилище под волнами*

**Светлой памяти моего любимого учителя и друга профессора Мэри Бойс (2 августа 1920 г. – 4 апреля 2006 г.)*

Печатается по тексту, опубликованному в журнале "Россия XXI" № 4 за 2007 год

Там башни (накренило их,
А все ж не рухнут), храмы, зданья –
Иные, чем у нас, живых...
Но чу! Вдруг ожил воздух стылый,
И зыбь поверхность вод всхолмила.

Эдгар Алан По «Город среди моря» (перевод Ю.Корнеева)

Завороженно мы глядим в морские дали
И грезим девами давным-давно,
Но, пробуждаясь, мы идем на дно.

Томас Стернс Элиот «Песнь любви

Дж. Альфреда Пруфрока» (Перевод Я. Пробштейна)

Зороастрийский субстрат армянской культуры

Повсеместно можно наблюдать, что святое место остается объектом паломничества даже после того, как на смену религии, которая придавала ему святость, приходит иная. В Армении, особенно в районе озера Ван, многие христианские святилища, которые пришли на смену зороастрийским, остались святыми местами и для курдов-мусульман, лишь слегка изменив свои названия. Один из таких примеров – арм. Путки Сурб Геворг («Гостиница Св. Георгия»), курд. Дира Хани («Гостиничный монастырь»), тур. Хорозванк («Монастырь петуха») на перевале Мокс, к югу от озера Ван. Петух, которого лелеяли в этом монастыре, – птица, посвященная зороастрийскому

божеству Сраоша (перс. Соруш), – служил для предупреждения путешественников о приближении снежных бурь. Монахи странствовали по стране, собирая милостыню для поддержания обители, вооруженные свитком, повествующим о чудесах петуха, который был изображен над текстом (он также вырезан над входом в монастырь). Когда петух умирал, его хоронили по христианскому обычаю и сразу начинали искать его перевоплощение.¹ После геноцида 1915 года в обители Св. Георгия больше не слышно ни голосов монахов, ни петушиного кукареку – лишь руины, легенды и сохранившееся имя.

Однако в иных случаях предназначение святых мест нередко оказывается поводом для споров. Так, Храмовая гора в Иерусалиме, где на протяжении византийского правления лишь руины напоминали о заброшенной и униженной Синагоге, после мусульманского завоевания страны Израиля была отождествлена с «далеким местом поклонения», откуда Мухаммед совершил свое путешествие на небо. Мечети Аль-Акса и Купол Скалы (построенная по модели византийской октогональной церкви) были зримым унижением Церкви. Сегодня евреи, пережившие рассеяние и геноцид, вернулись в Иерусалим, армяне же пока не увидели, как зачастую говорится у них, другой стороны Арарата.

До сих пор, однако, существуют священные места, которые, быть может, к счастью для этого мира, раздираемого политикой религиозного реваншизма, либо физически недоступны, либо видимы лишь тем, кто оказывается достойным того, чтобы увидеть их. Именно о таких святилищах я буду говорить в этой статье. Армения с не меньшим основанием, чем Иерусалим, может претендовать на то, чтобы считаться центром мира: два ее культовых святых места хорошо известны и играют ключевую роль в Священной истории. Прошлое живо в их окрестностях.

Ноев ковчег покоится на горе Арарат (еврейское слово для обозначения Урарту; в названии озера Ван и города на его берегу сохранилось исконное название страны – Биайна). Когда св. Яков из Нисибина взошел на Джебель Джуди, гору, которую ранние христиане отождествляли с пиком Ноя², ангел погрузил его в сон, прежде чем он смог достичь вершины. За свои праведные страдания он был вознагражден куском дерева из ковчега. Эдемский сад, физический доступ к которому запрещен потомкам Адама, расположен в небесах над мировой горой, возвышающейся над областью Харк (в Хнусе, тур. Хинис) в западной Армении, к северо-западу от озера Ван, откуда берут свое начало Тигр и Ефрат. Большинству не суждено увидеть сам сад, где воды четырех могучих потоков изливаются вниз на Землю. Четыре реки, символизирующие четыре стороны света, определяют Эдем как центр мира. Для христианской экзегезы также очень важно, что они имеют форму креста. О таком устройстве Эдемского сада стоит помнить, поскольку в тексте, который мы будем рассматривать в данной статье, важную роль играет магический источник, вода из которого бьет в четырех направлениях.

Однако некоторые все-таки были удостоены видения Эдема. Согласно легенде, записанной в иллюстрированной армянской рукописи XV в. «Жития отцов пустынников», происходящей из Кафы (совр. Феодосия, Крым), группе странствующих монахов было позволено издали увидеть Рай во всей его красе: в углу миниатюры, на которой запечатлена эта сцена, облик одного из монахов схож с изображением патриарха св. Нерсеса Благодатного (арм. Шноргали, ум. 1173) в Хромкле в Киликии. Позднее он описал это в своем утраченном комментарии на книгу Бытия³. На миниатюре чудесными самоцветами разбросаны цветы и деревья Эдема, но ангел-страж, стоящий у ворот сада, не дал странникам в подарок ни единого цветка. Основу текста рукописи составляют «Изречения отцов», важный компендиум житий святых, которые жили в одиночестве в пустыне к западу от Александрии. Эта книга, как писал Блаженный Августин в своей «Исповеди»,

способствовала его обращению в христианство. Далее в армянской рукописи следуют рассказы о более поздних религиозных лидерах, в первую очередь, об отце исихазма св. Симеоне Новом Богослове, жившем в Византии в X в., и его современнике армянском святом Григоре Нарекаци (951–ок. 1003). Сочинения этого святого и легенды, которые складывали о нем, играют важную роль в нашем исследовании.

Нарекаци провел большую часть жизни в монастыре Нарек, расположенном в центре маленькой деревни (курд. Нерик, тур. Емишлик) на холме, возвышающемся над возделанными полями. Монастырь, восстановленный в районе Себастии беженцами от сельджукского вторжения, также стоял на своем изначальном месте вплоть до его окончательного разрушения курдскими мародерами в 1912 году⁴.

Хачкар из деревни Нарек

Недалеко к северу находится берег озера Ван, прямо напротив острова Ахтамар, где в 920 г., за 30 лет до рождения Григора, царь армянской области Васпуракан Гагик построил церковь Св. Креста. Церковь богато украшена рельефами, из которых наиболее знаменито изображение Ионы и кита. Христианские экзегеты интерпретировали библейскую легенду как прообраз избранничества язычников; на рельефе в Ахтамаре «кит» Ионы на самом деле не кит, а вишاپ, морской дракон. Этим иранским словом было названо мифическое создание, побежденное урартским богом грозы Тейшебой, так как, когда армяне приняли зороастризм, этот подвиг был приписан аналогичному божеству, Вахагну (авест. Веретрагна). Имя последнего означает «преодолевающий сопротивление»; это сопротивление олицетворяется в змее: ведический двойник Веретрагны Индра побеждает дракона по имени Вритра (родственно иран. веретра-), после чего бог получает почетный эпитет Вритрахан (хан- – индийское отражение формы ган-, «удар»; иранский вариант – Веретрагна).

Таким образом, армяне открыли буквальные и метафорические глубины, позволившие соотнести историю Ионы со страшными безднами уникального армянского внутреннего моря, озера Ван. Нарекаци использовал эти слои истории и образы в своих размышлениях об опасностях и спасении души, которые, в свою очередь, способствовали формированию легенд о нем и вписыванию места, связанного с ним, в тот самый устный эпос, чьи корни первоначально сформировали его собственное видение, – удивительный пример многообразного взаимовлияния письменных и устных повествований, а также церковных и фольклорных представлений.

Дальше, в озере Ван, прямо к северо-западу от острова Ахтамар, где во времена Нарекаци располагались и церковь Св. Креста, и роскошный дворец Арцрунидов (от которого ничего не сохранилось), расположен крошечный, увенчанный монастырем островок Артер. Как мы узнаем дальше, Нарекаци в его монастыре посетил видение Пресвятой Девы, парившей над этим островком. Он был волшебным образом перенесен к ней через воды. Вследствие легенды о вишапах и истории магического перемещения над островком, Артеру суждено было занять важное место в армянском устном героическом эпосе. В последние годы жизни св. Григор удалился в пещеру, расположенную над деревней Паган, высоко над Нареком, в предгорьях великого хребта Мокс – в тех самых горах, где гостиница Св. Георгия предлагала свой приют странникам. Там он создал цикл из 95 лирических молитв, составивших «Книгу скорбных

песнопений». Эти изысканные литании можно разделить на 3 группы, которые архитектурно соответствуют паперти, нефу и алтарю церкви; кроме того, они следуют порядку божественной литургии.

В шедевре Нарекаци можно найти много общего с идеями и практиками исихастов (например, обретаемая посредством молитвы способность видеть небесный свет). Хотя некоторая традиция созерцательной молитвы существовала в Армении и до Нарекаци, он, однако, восстановил ее и по праву может считаться ее основоположником. Если в традиционном армянском доме есть книга, кроме Библии или Псалтыри, то это обычно именно сборник Нарекаци, именуемый просто Нарек. Считалось, что книга обладает магической силой, а в балладах и фольклорных историях, слагавшихся на протяжении следующего тысячелетия, воспевался сверхъестественный дар самого Нарекаци. Мы увидим, что эти истории придают новые краски тому эпизоду героического эпоса, где говорится о святилище, расположенном над или под водами озера Ван и недоступном или невидимом обычным людям.

Через два столетия после смерти св. Григора св. Нерсес (о котором мы упоминали выше в связи с посещением группой монахов подножия Эдемских гор) и его наследник католикос Григор (по прозвищу Тга, Отрок) продолжили древнюю практику созерцательной, покаянной молитвы. В особенности они стремились сохранить традицию, запечатленную Нарекаци. Нерсес в своих стихах, красота и прозрачность которых способствовала включению многих из них в сборники армянских церковных гимнов и божественную литургию, уделял особое внимание образам огня и света, что сразу вызывает ассоциации с исихазмом и хорошо согласуется с зороастрийским субстратом армянской христианской культуры⁵. Этот субстрат с очевидностью проявляется не только в дуалистической символике, но и в большом количестве парфянской терминологии, перенесенной на христианскую почву, в иконографических формах⁶, а также в использовании в агиографии дохристианских топосов, заимствованных как из зороастризма, так и из героического эпоса⁷. Эта связь очень важна, поскольку народная традиция наделяет великих святых чудодейственной силой, равно как и мистической набожностью и мудростью. В Армении эта традиция зачастую облекается в литературную форму баллад, как в случае с популярным средневековым стихотворением Нарекаци⁸, или легенд, в которых фигурируют детали ландшафта или места паломничества, освященные связью со святым человеком и его деяниями.

В Армении обе эти формы – баллада и фольклорный рассказ или легенда – много заимствовали из эпических тем, образов и идеологии дохристианских религиозных систем, существовавших в стране. Это совершенно неудивительно: сходные процессы протекали, *grosso modo*, и в других христианизированных культурах, а например, в кельтских и славянских странах, где индоевропейские субстраты кровно родственны армянскому, эти соответствия очень близки.

Случай Армении очень интересен еще и потому, что здесь мы имеем богатейший и цельный корпус документальных источников, записывавшихся на местном языке своим уникальным письмом на протяжении 15 столетий и содержащий свидетельства событий, уходящих в глубину веков еще на тысячелетие. Армения – единственная своеобразная и живая христианская цивилизация, где предшествующей религией был зороастризм, вера древнего Ирана. Важно также отметить, что сложно провести четкое разграничение между древнеиранской эпической традицией и героической поэзией, и собственно зороастрийским корпусом писаний; рыцарский кодекс воинов не противоречил морали магов. Армянский устный героический эпос выступает как своего рода секулярное священное писание, укорененное в христианской традиции, но в то же время во многих важных аспектах отличающееся от ее догмы. Разумеется, между смелыми

искателями бессмертной славы и викариями Князя Мира неизбежно возникают противоречия, поэтому армянские христианские авторы зачастую творчески и противоречиво переосмысливают имеющийся у них материал, придавая ему новую форму. Рассмотрим один хорошо документированный пример такого рода переосмысления и адаптации.

Анонимный летописец обращения Армении, Агафангел, описывает преследование св. Григора Просветителя (арм. Лусаворич) царем Тиридатом. За неподобающее обращение с посланцем Божиим царь был превращен в кабана (вараз). Как показала Нина Георгиевна Гарсоян в серии блестящих и новаторских исследований⁹, подобное видоизменение библейского сюжета превращения Навуходоносора в быка в книге Даниила представляет собой намеренную инверсию зороастрийского священного символа кабана, который является и тотемом бога Веретрагны (арм. Вахагн), и гербом царского дома Аршакидов. Вахагн также убивает драконов: он вытаскивает морских чудовищ (арм. вишап) из озера Ван и бросает их на Солнце, дабы они сгорели.

Следуя методу проф. Гарсоян, я показал, что эпизод заточения Григора в тюрьме Хор Вирап, где его мучают змеи, с одной стороны, напоминает о муках Христа в аду, а с другой стороны, инвертирует иранский миф о тиране Ажи Дахака (перс. Зоухак), которого мучили два змея, выросшие из его плеч. На рельефе в багратидской церкви Св. Апостолов в Карсе, построенной в IX в., где, по всей видимости, св. Григор был возведен в сан тринадцатого апостола, он изображен со змеем на плече. Однако, в отличие от Зоухака, он побеждает змея, и Аршакид, который заточил его, станет в конце концов христианским монархом. У Тиридата также есть могущественный меч, легендарный Хав(ха)луни.

Я исследовал серию армянских легенд, в которых св. Григор буквально инвертирует орудие убийства, превращая его в Крест – оружие, посредством которого Христос победил смерть. Еще интереснее последующая судьба креста. Он либо отпечатан в камне в горном святилище над армянским городом Эрзнка (тур. Эрзинджан), где его могут видеть только праведники, либо затоплен в расположенном к северо-западу от Вана озере, именуемом Хачлва, букв. «омывающее крест»¹⁰. Обе эти детали¹¹ имеют отношение к нашему обсуждению святилища в озере Ван, фигурирующего в армянском эпосе. Мотив драконоубийцы Ваханга тоже, как мы увидим, не только использован, но и глубоко переосмыслен в подводном эпизоде эпоса. Меч также остается принадлежностью устного эпоса: в Сасунском эпосе, который мы рассмотрим, герои получают в море, а потом возвращают туда тур кецаки, или Меч-Молнию. Можно также предположить, что армянский мифологический материал мог, при посредстве нартовского эпоса алан, соседей армян, повлиять на формирование легенды об Эксалибуре, мече короля Артура (мече, воткнутом в камень/утес) и Леди Озера.

Монахов, пришедших в Харк, которым ангел-страж позволил взглянуть на Эдем издали, можно сравнить с рабби Акивой и его спутниками, которые, согласно знаменитой истории из трактата Хагига, совершают путешествие в небесные чертоги, божественные Хехалот. Эти видения служат наградой за благочестие, их можно понимать как метафоры, описывающие состояние, достигаемое душой. Но для нашей темы важно отметить, что ни в том, ни в другом случае праведники, заслужившие эти видения, отнюдь не отличались миролюбием. Св. Нерсес Шнорхали написал призывающий к отмщению плач на падение Эдессы (ныне Урфа), в котором призывал к новому франкскому крестовому походу, дабы уничтожить сарацинов, захватить черный камень Каабы и утопить его глубже, чем книгу Просперо. А рабби Акива в свое время поддержал вооруженное восстание против языческого римского владычества, возглавлявшееся Шимоном

Бар Кохбой. Героев армянского эпоса, вся жизнь которых протекала в борьбе, также можно считать достойными того, чтобы увидеть иной мир.

Христианские святые как культурные герои

В 1874 г. епископ Гарегин Срвандзтянц впервые опубликовал устный героический эпос, различные варианты которого продолжали фиксироваться на протяжении всего последующего столетия. В центре эпоса – четыре поколения семьи, происходящей из региона озера Ван, потомков знатного рода, восходящего к царю Васпуракана Гагику. Они заложили крепость в горной области Сасун, к западу от озера Ван и к югу от равнины Муш, и вели бесконечные войны против вторгшихся войск Арабского Халифата, которые, не вполне справедливо, именуются крапашт («идолопоклонниками»). Хотя материал эпоса преимущественно архаичен и представляет особый интерес для изучения происхождения митраизма, эта история, однако, концентрируется на событиях Армянского восстания 851 г., которое в конечном итоге привело Арцрунидов к власти в Васпуракане, а Багратидов – на северо-востоке страны. Последние претендовали на происхождение от царя Давида, а главный герой цикла, с которым связана большая часть повествований, Сасунци Давит (Давид Сасунский), принадлежал к третьему поколению церр, диких и безрассудно смелых героев его рода.

В повествовании подчеркивается приоритет Давида как культурного героя, приручившего различных животных; его битва с халифом Мсра-Меликом (букв. «Царь Египта») подводит итог всем предшествующим победам. Конец его жизни трагичен: подобно Рустаму, он сражается со своим единственным сыном Покр Мгером («Митра Младший»); как и положено герою в славном финале героического века, он гибнет в результате предательства. Ему также было суждено обнаружить подобного Рахшу волшебного коня героев, Куркика Джалали («Свирепый жеребенок») и восстановить святилище героев, храм Св. Богоматери Маруты, который воздвиг его отец Мец Мгер («Митра старший») в Сасуне на горе Цовасар, «Морской горе». Все сасунские герои обращаются к Великой Св. Богоматери Маруте и к своему магическому оружию. Перед битвой Давид также закликает «[молитвой] «Верую», / Святым Знаком Великой Маруты, / Иисус, Сын [Божий], помоги мне!», анахронистически (если считать, что он жил в IX в.) объединяя заклинание Маруты с двумя сочинениями св. Нерсеса Шнорхали: символом веры Хаватов хостованим и дидактической поэмой Иисус орди. Таким образом, Нерсес включается в орбиту эпоса. В ходе другого обряда, который святой едва ли одобрил бы, Давид, следуя совету, полученному во сне, приносит в жертву Великой Маруте 40 телок, после чего омывается их кровью¹².

Одна из последних армянок в Дьярбакире, древней Амиде, которую армяне до сих пор называют Тигранокертом (ср. греч.: Тигранокерта), по имени столицы Тиграна II Великого, – женщина родом из Сасуна, в детстве обращенная в ислам. С детства она говорила по-курдски, а в зрелом возрасте поселилась неподалеку от разрушенной церкви Св. Стефана. Когда я встретил ее в 1997 г. и стал расспрашивать о разных армянских сюжетах, она, что вполне понятно, отвечала неохотно и нервничала. Однако, когда я спросил, говорит ли ей о чем-нибудь имя Марута, на ее лице отразились удивление и восторг. Указав вверх и на север, она сказала, что простой взгляд Маруты может излечить от укуса скорпиона.

Епископ Срвандзтянц посетил этот регион в конце XIX в. и оставил следующее описание: «Гора Марута или Марату считается священной. Она названа, по-видимому, в честь аскета епископа Маруты, который перенес останки епископа Симеона и восточных мучеников из Персии, собрал десятки тысяч мощей и построил Город Мучеников, Нпркерт, недалеко от этой горы. Гора Сасунк или Сасно – сильнейший из братьев, несокрушимый, с железными боками и каменным челом. Тысячи лет назад она была гостеприимным обиталищем Адрамелика и Санасара (т.е. Сарасара), сыновей Сенекерима (т.е. Сеннахериба), царя Ассирии. Гора под названием Цовасар (букв. «Морская гора») – их прекрасная сестра, расположенная недалеко от монастыря Апостолов (арм. Аракелоц ванк), – называется так, поскольку на ее вершине расположено небольшое озеро. Вокруг озера цветут скромные фиалки, которые окрашивают луг в небесно-синий цвет, и бесчисленные разноцветные цветы ослепляют всех своими очертаниями и оттенками. И ремень на этой горе ни с чем не сравним и прекрасен»¹³. История о мощах, собранных Марутой (вскользь упоминаемая Срвандзтянцем), и другие детали жизни этого святого отчасти объясняют, почему он стал столь популярен среди грубых армянских горцев Сасуна.

В IV в. некая Мариам, женщина благородных армянских кровей, вышла замуж за губернатора провинции Софанене и родила сына Маруту. Это арамейское имя: семья была сирийской, как и многие другие в южных пределах Великой Армении. Мальчик изучал медицину; позднее, сопровождая римское посольство в Ктесифон (399 г.), он вылечил сына царя Ездигерда то ли от одержимости бесами, то ли от мигрени. Версии рассказа разнятся, но, так или иначе, он тем самым оскорбил магов, которые несмотря на свою репутацию искусных врачей не смогли помочь принцу.

Девять лет спустя Марута обращается к шаху с призывом изменить к лучшему его отношение к персидским христианам. Когда ему предложили прощальный дар, он попросил мощи праведников. Согласно армянскому житию, он собрал их 280 000 и перевез их в Майферкат (сир.; арм. Нпркерт с суффиксом -керт («построен») свидетельствует об армяно-парфянском происхождении топонима) или Майфариккин (араб.) – в нескольких километрах от Амиды. Город, который сегодня называется Сильван и где, по мнению ряда исследователей, локализуется древний Тигранокерт, получил благодаря Маруте новое имя – Мартирополис¹⁴.

Благородное армянское происхождение святого, его популярность как целителя и смелая защита христиан при сасанидском дворе стали теми причинами, которые всегда притягивали к нему симпатии армянского народа. Дополнял его харизму тот факт, что он собрал огромное количество святых мощей в древнем армянском городе, который к тому же, возможно, был царской столицей. Имя Маруты в его диалектной форме также могло связываться в сознании армян со второй частью названия волшебного цветка хорот-морот, названного в честь двух из семи авестийских амеша спента («Благодетельных Бессмертных»), которых звали Хаурватат и Амеретат (перс. Хордад и Амурдад, «Здоровье» и «Бессмертие»), отвечавших за воду и растения. В канун Вознесения девушки в армянских деревнях готовили для гадания чаши с водой и посыпали их сверху лепестками цветов: небеса (как, кстати, и пещера, в которой Покр Мгер, сын Давида, заперт до Судного Дня) ночью распахиваются, изливая космические секреты. В армянских диалектах название цветка (вкупе с рифмованной моделью и отрицательным префиксом ма-) повлияло на формирование выражения хоротик-моротик, «красивый». Связь между Марутой и Морот / Амеретат казалась бы слишком маловероятной и недостойной упоминания, если бы не фольклорная поэма, записанная Срвандзтянцем в том же регионе, где говорится о семи мужчинах, которые собирали траву на «склонах Маруты», причем двоих из них зовут Уртик и Муртик¹⁵.

Итак, мы собрали корпус источников из армянского устного героического эпоса и из легенд об армянских и общехристианских святых – Богородице, св. Нерсесе Шнорхали, св. Григоре Нарекаци, Маруте, – которые многогранным образом пересекаются. Герои и святые необязательно абсолютно несовместимы, но христианизация старого топоса зачастую требует его видоизменения, а то и полного переименования. Эпос довольно беспорядочно заимствует сюжеты как из рассказов о святых, так и из дохристианского, в первую очередь, зороастрийского, субстрата: битва с драконом, волшебные мечи. География эпоса и христианской легенды также пересекаются: как сакральная (Эдемский сад и неприступная вершина Арарата), так и земная (монастырь Великой Богородицы и Святой Знак Маруты на вершине Сасунской горы, различные монастыри и острова региона Ван). Теперь мы рассмотрим одно из наиболее сложных сакральных мест в армянской традиции. Оно иногда представляется в виде скалы с молочными источниками, бьющими в четырех направлениях, иногда – в виде подводной церкви, находящейся внутри дворцового комплекса с садом, иногда – в виде священного острова, а иногда – горной пещеры.

Различные версии Сасунского эпоса были опубликованы Академией Наук Армянской ССР в трех толстых томах в 1936, 1944 и 1951 годах. Варианты сильно отличаются друг от друга, и невозможно уверенно утверждать, что существовал единый прототекст, а в случае устного эпоса вряд ли можно надеяться на существование такого текста. Но в классическом литературоведении есть свои привычки, ему необходим прототекст. Националисты XIX в. мечтали найти армянского Гомера, а сталинские комиссары, управлявшие культурой в XX в., хотели видеть памятник первобытной народной культуры, который помог бы им сокрушить формализм. Так или иначе, скелет истории, которая была, наверное, во всех деталях известна кому-то из бардов, но пересказывалась большинством из них лишь фрагментарно, тем не менее, достаточно связан, чтобы искусственный, составной текст, изданный в Ереване к 50-м годам и ставший основой для переводов на другие языки¹⁶, давал верное представление тем, кто хочет понять в общих чертах, о чем рассказывает Сасунский эпос. Но интригующие различия в деталях в нем, конечно, теряются. Именно эти детали требуются для изучения невидимого, недоступного или подводного святилища. Поэтому дальнейшее обсуждение будет основываться не на версиях, отраженных в этом составном тексте, а на калейдоскопичных, многоголосых свидетельствах, зафиксированных в текстах, которые приводятся в приложении к статье в моих переводах с различных армянских диалектов.

Озеро Ван и град Китеж

Составной текст действительно дает общее представление об этой истории и начинается он следующим образом.

Армения, поклоняющаяся Кресту или Богу, воюет с языческим (!) Арабским Халифатом. Халиф Багдада (именуемого в тексте Месер, Египет) требует руки Цовинар, дочери царя Гагика, угрожая, в противном случае, опустошить Армению. Она соглашается принести себя в жертву ради своего народа, но просит прежде прогуляться по берегу озера Ван. Во время этой прогулки она захотела пить, и Бог сотворил источник воды на скале в озере. Она разделась, доплыла до скалы и выпила полторы пригоршни; через девять месяцев она родила двух неравных по размерам (в соответствии с двумя неравными глотками) близнецов – Санасара и Багдасара¹⁷. Через некоторое

время оба сбежали от халифа, направились на север в Армению и, достигнув Сасуна, построили там церковь. Затем они отправились к озеру Ван в поисках коня, рожденного в море. Старший, Санасар, рискнул прыгнуть в воду, а младший, Багдасар, побоялся. Санасар опустился на дно и нашел там сад, дворец и шатер, где был привязан говорящий конь Куркик Джалали с Мечом-Молнией на седле. Он прошел в церковь, где заснул, и во сне к нему явилась Богородица, рассказавшая, как добыть магическое оружие. Проснувшись, он выпивает воды из фонтана и вновь засыпает, а просыпается сильным и могучим, так что доспехи героев приходятся ему впору, и он оказывается в силах приручить Куркика Джалали. Сын Санасара, Мец («Великий») Мгер, позднее строит монастырь Маруты¹⁸.

Озеро Ван считалось очень опасным местом и было известно своими морскими драконами (арм. вишап). Как мы уже говорили, в церкви Св. Креста в Ахтамаре есть рельеф с изображением истории Ионы, где один такой вишап глотает пророка. С древности армяне верят, что внезапные шквалы возникают на озере оттого, что вишапы молотят своими хвостами, когда бог Вахагн вытаскивает их из глубин, дабы их спалило Солнце. В одной из версий мифа, где Санасар (который именуется себя цоваин – рожденный в море) оседлал неистового Куркика Джалали, тот взлетает к Солнцу, чтобы спалить седока, но Санасар справляется с конем. Позднее Санасар сражается с вишапами, согласно одному из вариантов, в озере Ван.

Имя Цовинар, очевидно, включает в себя армянское слово цов «море», происходящее от урартского суе. В урартской надписи на поблекшей резной двери в Топрак-Кале (Ван), где, согласно армянским верованиям, укрылся Покр Мгер¹⁹, упоминается бог моря Суинина. Таким образом, в эпическом повествовании могут слышаться отзвуки древних представлений о священном браке (*hieros gamos*)²⁰. Источник, из которого пила Цовинар, после чего забеременела, иногда именуется Молочным Источником. Санасар, по всей видимости, пьет ту же жидкость, своего рода Божественное семя, чтобы обрести силу. Подобное сочетание молока, семени и силы, которое мы неоднократно встречаем и в иных армянских источниках, имеет также параллели в родственной индоевропейской традиции Индии, равно как и в сирийской христианской религиозной поэзии.

Молоко, как мы увидим, может изливаться из скалы в четыре стороны света; в Авесте воды мирового моря Вурукаша²¹ изливаются из мировой горы Хара Березайти (или Высокая Хара). В санскритском переводе зороастрийского писания Вурукаша именуется Кшира Самудра («молочное море»). Согласно Махабхарате, в нем обитают наги («змеи»), и к нему приходит герой Бхима (Махабхарата, кн.1.21)²². Анахита (букв. «незапятнанная») в древней Анатолии именовалась барзохара («с высокой Хары»). Она живет в этих потоках и способствует успешной беременности женщин. Можно вспомнить, что незапятнанная (арм. анарат) Богородица именуется Великой (бардзр, диалект. бандзрик). Эти детали авестийской сакральной географии и культа богини Анахиты, весьма почитаемой древними армянами, лежат в основе эпического повествования. Рождение Санасара и Багдасара напоминает нам как о рождении нартовских героев осетинского эпоса, так и о рождении Митры из камня в римском варианте его культа; можно также предположить, что посредством устной передачи эта мифология, зародившись в Восточной Анатолии, через алан – предков осетин – перешла в кельтскую Европу с ее Артуровским циклом.

Рассмотрим теперь место, где забеременела Цовинар и куда позднее вернулись ее сыновья, дабы стать героями, на основании версий этих эпизодов, которые приводятся в Приложении (ссылки на тексты здесь и далее – в соответствии с их нумерацией в Приложении).

Цовинар забеременела от того же источника, который позднее сделал героем ее сына Санасара; в некоторых версиях он также получает магическое оружие в том самом месте, где бьет родник. В некоторых вариантах специально подчеркивается параллелизм между мотивацией и опытом Цовинар и Санасара. В некоторых версиях принцесса готова скорее покончить с собой (3), чем выйти замуж за язычника-чужеземца; а когда ее сыновья возвращаются на то же место, они тоже предпочитают самоубийство принесению жертв идолам (4, 5). В других версиях, однако, ее склоняет к браку с язычником сверхъестественное вмешательство – старец, обращающийся к ней во сне (2). В этом случае ее опыт параллелен общению Санасара во сне с Богородицей или (в версии источника 2) с тем же самым старцем.

В тех версиях, где это место расположено в море, она отправляется на лодке на безымянный остров (1) или на большую скалу (10), или на островок Артер (7, 8, 9). Санасар позднее отправляется либо на тот же Артер с его дворцом (8), либо под воду, где находятся дворцы, церковь и сад и где он спит и общается во сне с Богородицей (7). Он либо падает сквозь воду (5), либо проходит по ней как посуху, хотя его брат Багдасар с его робким сердцем и недостатком веры видит на этом месте лишь воду (4, 7, 8). Озеро – место опасности. Лишь герой может превозмочь все угрозы и получить сокрытые блага; в одном из вариантов Санасар напоил дракона, жившего в озере Ван, нырнул на морское дно и выкрал кольцо из уст дракона (6). Когда чудовище обнаруживает потерю, оно поднимает страшный шторм. В этой детали можно увидеть отражение древних мифов о деяниях Вахагна, в которых вода озера колышется в результате единоборства героя-божества со змеем.

В тех версиях, где это место расположено на земле, девушка отправляется к горному святилищу Богородицы в Маруте (2) или к источникам в месте паломничества к Богородице в Хили (11). И в тех вариантах, где речь идет о море, и в тех, где действие происходит на суше, зачастую фигурирует также пещера (3, 8): этот факт отражает контаминацию первой части эпоса и его финального эпизода, где Покр Мгер заточен в пещеру в районе Ван, где должен пребывать до конца времен. Вода, которую пьет Цовинар, бьет из «бессмертного» (анмакахан; 1, 2) или «белого» (свтак; 10), или «молочного» (катн[агбиур]; 12) источника. Если из источника течет обычная вода, то все равно присутствует какой-либо знак святости, например, на этом месте находят священные облатки (ншхар, масунк; 3), либо девушка пьет воду только после благословения священника (7). Живая вода изливается из скалы во все четыре стороны света – здесь можно вспомнить четыре райские реки.

Во всех версиях в качестве места, где зачала прародительница расы героев, называется источник. Поскольку скала возвышается из-под вод озера Ван, ее можно воспринимать как фаллос морского бога Суинины при бракосочетании с его морской невестой Цовинар, чьи дети становятся цовайин – рожденными в море. В ряде случаев это место помечено как сакральное: на островке Артер в озере Ван стоит небольшой монастырь. Герой Санасар пьет из того же источника, который, однако, находится на дне моря и окружен дворцами и садами; там также есть церковь. Богородица говорит там с ним во сне; ясно, что подводное святилище – двойник того, которое расположено на вершине горы в Сасуне: святилища Великой Матери Божьей Маруты. Он должен проявить веру и отвагу, прыгнув в воды, после чего они либо расступаются перед ним, как расступилось Красное море перед израильтянами во время Исхода из Египта, либо он прыгает

сквозь глубины, не причинив себе никакого вреда. Его робкий брат, однако, не видит всего этого, поскольку и путешествие, и его конечный пункт принадлежат иному миру как с точки зрения пространства, так и с точки зрения восприятия. Его магическое оружие также происходит из подводной сферы и должно туда возвратиться. В версии, где искомое место локализуется на Резной Скале, где заключен Покр Мгер, источник также располагается вне обычного времени. Здесь также присутствует и аспект святости, обозначаемой наличием в пещере кусочков святых облаток.

В тексте 2 девушку зовут не Цовинар, а Сандух. Элемент сан- – общий для имени Санасар (от оригинального библейского Сарасар, возможно, путем ассимиляции с парфо-армянским Санесан) и для оригинальной формы топонима Сасун – Санасун. В монастыре Нарека недалеко от гробницы святого была также церковь св. Сандухт; а в нескольких версиях нашего текста место, которое посещают Цовинар и ее сын, локализуется на священном острове Артер, связанном с легендой о св. Григоре Нарекаци, во многом пересекающейся с нашим эпическим повествованием. Островок, который сегодня именуется по-турецки Куш Адасы, «Птичий остров», расположен к северо-западу от Ахтамара. Традиция объясняла название монастыря игрой слов. Когда Нарекаци молился в Нареке, у него было видение, в котором Богородица проплыла над островком на облаке с младенцем Христом на руках, и голос произнес: «Григор, приди к Господу (арр Тер)!» Григор отвечает на это игрой слов: Арр, Тер, зхогин им («Возьми, о Господи, мою душу!») – в классическом армянском слог «арр» означает и «к» и «возьми». После этого Григор был таинственным образом перенесен на островок, где молился Пресвятой Богородице. В его память был выстроен монастырь Артериванк (найденные там надписи датируются периодом от 1292 до 1766 г.)²³. Нетрудно понять, как видение св. Григора и его сверхъестественное путешествие через воды на остров Артер в этой легенде могли повлиять на устную передачу эпоса. И, конечно, поскольку Нарек расположен в самом сердце того региона, где сформировались древние источники эпоса, сама легенда об Артере могла возникнуть из местного мифа.

Последний текст, который мы рассматриваем (13), происходит не из устных пересказов эпоса, а из рассказа о Нарекаци, очевидно, имеющего местное происхождение и зафиксированного на позднем и испорченном классическом армянском в рукописи XIX в.²⁴ В этом рассказе бездетная пара из Ахтамара посещает Нарек, молит о заступничестве св. Григора и в результате рождает сына, названного в его честь. Когда мальчику исполнилось 7 лет, они снова отправились в паломничество, но их лодка сбилась с курса в результате шторма, обрушившегося на них напротив Арчеша, и мальчик, почти как Иона в сцене, изображенной на рельефе в Ахтамаре, упал за борт. Разумеется, сразу появляется морское чудовище, готовое проглотить мальчика, но вмешивается св. Григор, который своим посохом отгоняет вишапа и доставляет мальчика на морское дно. Там юный Григор, укрытый посохом и плащом святого, счастливо проводит год. Нарекаци указывает Крестом на четыре стороны, и подводное убежище заливается светом. Он кормит мальчика святыми облатками. Тем временем родители мальчика ослепли от слез; на годовщину исчезновения сына они снова отправляются в Нарекаванк в надежде, что святой вернет им хотя бы зрение. Прибыв туда, они обнаруживают сидящего на гробнице Нарекаци сына, смущенного и мокрого, но живого и здорового. В этом рассказе мы встречаем множество уже знакомых элементов: шторм и чудовище, сверхъестественное путешествие, подводное святилище.

Интересная деталь. Артер находится неподалеку от Ахтамара, а от них обоих недалеко до южного берега озера Ван, где некогда стоял Нарекаванк. Однако шторм настигает лодку, в которой плыли

Григор и его родители, напротив Арчеша, расположенного на северо-восточном берегу озера, за много километров в другом направлении. Если не рассматривать вариант, при котором они сели в лодку в Аванце, порту города Ван, чтобы вместе с другими паломниками совершить длинное путешествие до острова Лим, то упоминание Арчеша выглядит очень странно. Однако мы знаем два города с таким названием: один современный (на побережье) и второй древний и средневековый (внизу, под водами озера Ван). Быть может, именно притягательностью этой армянской Атлантиды оправдывается упоминание этого города, в противном случае, необъяснимое: утонувшие города всегда привлекали человеческое воображение²⁵.

Св. Григор Нарекаци на время требует обратно мальчика, названного в его честь и появившегося на свет благодаря его заступничеству. У этого аспекта рассказа, очевидно, имеющего фольклорное происхождение, есть параллель в русской былине о новгородском купце Садко, которому водяной царь дал богатство, после чего в знак расплаты забрал в свое подводное царство²⁶. Армянские легенды о каменном фаллосе, вневременной пещере, священном островке и святилище под толщей вод озера Ван можно рассматривать как отражение последовательных слоев урартской, иранской и христианской религиозных традиций, сплетенных в великом национальном эпосе о потерянном рае (в роли которого выступает не Эдем, но Ван), донесенном до нас поколениями изгнанников и мертвецов.

На том же самом славянском севере, где Садко занимался своей морской торговлей, существовал город, который по воле Божьей был сокрыт под волнами озера Светлояр, чтобы не стать добычей татаро-монгольских язычников. Ему суждено оставаться невидимым до Второго пришествия Христа. Это русский Великий Китеж; его двойник, Малый Китеж, расположенный неподалеку, был завоеван ханом Батыем в XIII столетии. Можно было бы, конечно, осторожно сказать, что это всего лишь одна из параллелей, бесчисленное количество которых мы находим в фольклоре, если бы упоминание о Великом Китеже русских летописей не встречалось в сочинении «на память святого священномученика Григория Великия Армении»²⁷. Так что нельзя исключать, что в знаменитой легенде о Китеже мы встречаем отголосок рассмотренного нами эпизода Сасунского эпоса и рассказов, окружающих другого святого – Григора из Нарека, которые, как мы видели, имеют много пересечений с нашим эпосом. В русской традиции его образ мог слиться с образом более известного св. Григория Просветителя, который тоже был героем одного из циклов рассмотренного нами эпоса. Тысячелетнее сокрытие Китежа напоминает о пещере Покр Мгера; Малый и Великий Китежи – о старом и новом Арчеше; а божественная защита от осквернения язычниками – о бегстве Цовинар и ее сыновей. Безусловно, в средневековье можно встретить немало случаев армяно-славянского взаимодействия²⁸, но мы оставим другие сюжеты для следующих работ, а данную работу на этом завершим.

Приложение: тексты

Дочь царя Гумрика отправляется на прогулку к морю, т.е. к озеру Ван, перед тем, как выйти замуж за языческого (храпашт, в данном случае мусульманского) царя. Деформация имени царя Гагика в Гумрик, вероятно, отражает название северо-восточного армянского города Гюмри (Александрополь, ныне Ленинакан–Кумайри), судя по множеству русских заимствований в идиолекте повествователя.

Она прогуливалась вдоль морского берега. / И что же она увидела? В море она увидела остров. / Она спросила: «Что это за остров?» / Вестники ответили: «Не имеем понятия». / Царская дочь приказала им прождать лодку (лоткен, от рус. лодка). / Она села в лодку и отправилась к этому острову.

Поездка была короткой – она проделала этот путь и вышла. / Выйдя, она увидела двери зала (заг, от рус. зал). / Войдя, она увидела в этом зале маленький монастырь. / В том монастыре был источник, / который изливался в море.

Она попросила священника сотворить службу, сказав ему: «Да отворит Господь Бог наш врата над нами», – и выпила полторы пригоршни воды. Через девять месяцев родились Санасар и Багдасар.

Они отправились в землю своих отцов / и прибыли на тот остров в море, / где испила воды их мать. / «Сын мой, – сказала она, – ты тоже должен пойти / испить воды из того бессмертного источника». / Мальчики пошли туда и испили воды из источника среди монастыря. / Они напились и по Божьему велению превратились в могучих взрослых мужчин. / Выйдя из монастыря, они увидели стоящего наверху жеребенка. / Двое братьев схватили его, спустили вниз, / и он тоже, испив воды из источника, стал огромным. / Мальчики увидели дверь в стене монастыря и отворили ее. / Это была кладовая: на стене висел меч, / и шлем там лежал – они взяли их; / а также пара сапог – их они тоже взяли.

№ 2 (30)

У господина Тер-Нерсеса была дочь Сандух, на которой хотел жениться царь-язычник. Во сне к ней является старец³¹ и советует прогуляться к горам напротив, сказав: «Придя туда, ты найдешь бессмертный источник». И она, и ее лошадь должны выпить из него. Она поднимается на Марута панцр сар («Высокую гору Маруты») и выпивает воды. Позднее старец вновь является к ней во сне и сообщает, что ее сыну суждено построить там церковь, которая будет называться Марута Панцр Аспацацин, «Великая Богоматерь Маруты».

После этих слов он берет несколько гигантских крестообразных камней-хачкаров, помещает их на этом месте в знак того, что он сказал, и немедленно исчезает.

В этом рассказе принцессу зовут Пирзат Ханум (перс. «дочь старца/праведника»), а ее сына – не Санасар, а Мгер. Она обручена с мусульманским царем. Соответственно, место, где она зачала, похоже, отождествляется здесь с Мгери Дурн, «Вратами Митры», местом тысячелетнего заточения Покр Мгера. После того, как последний вступил в бой со своим отцом, Давид проклял его: «Ты Мгер – / так почему же ты приносишь мне боль эти три дня? / Попросил я Бога, / чтобы остался ты в Резной Скале, / пищей будут твоей три кусочка святых облаток в день, / и смерть не придет к тебе до Второго пришествия Христа». Вход в пещеру – поблекший урартский портал – чудесным образом открывается в канун Вознесения. Все остальное время с косяка капает моча Куркика Джалали: открывающиеся врата, хлеб причастия и капающая жидкость – моча вместо семени? – все значимо в этой версии.

Девушка стоит в раздумье и говорит: / «Лучше дай мне пойти и покончить с собой, / не хочу становиться язычницей / и терять мою светлую веру». / Девушка встает / на рассвете / и идет в горы: / она хочет покончить с собой. / Она идет, видит хачкар, стоящий в земле, / преклоняет колени и просит защиты у своего Бога³³. / И глаза ее пролили много слез, / потом взглянула она, и увидела дверь, / и заметила, что дверь открыта. / Она увидела там кусочки хлеба причастия, / вошла и стала молиться. / Было лето, и ей хотелось пить. / Она обошла вокруг и увидела, что из-под потолка капает вода, / вошла и выпила три пригоршни воды. / Сердце ее сжалось, / она обернулась и вышла, а дверь захлопнулась. / Прошло шесть месяцев, и ребенок в ее лоне дал знать о себе. / Вестники сообщили ее матери новость: / «Твоя дочь беременна».

Мать возмущена. Дочь объясняет ей:

Мне было грустно, я встала и пошла / в наши горы, чтобы покончить с собой, / и увидела церковь³⁴. / Я вошла, помолилась и выпила воды: / ребенок появился из той воды / от Бога в месте Его; не запятнана я.

Ребенок родился.

За месяц ребенок вырос, как будто был ему год. / Когда был ему год, / он был словно двенадцати лет. / Ему не подходило ни одно имя. / Играя с другими детьми, мальчик / бил их, ломал им руки, ломал им ноги. / Соседи жаловались его деду: / «Он убивает наших детей». / Его дед пошел к своему господину Торосу³⁵: / «Посади его на коня, / пусть едет на охоту с друзьями, / и наложи заклинание (сере, от араб. сихр) на этого коня». / Они купили коня, дали его мальчику; / он запрыгнул на коня и поскакал на охоту. / Он поехал прямо к той церкви. / Конь встал на дыбы, /

мальчик упал лицом вниз и лишился чувств. / Когда он очнулся и вошел в церковь, то услышал голос: / «Твое имя Мгер. / Слезы твоей матери достигли Бога, / как жертва за тебя. / Ты появился благодаря Богу: твое имя Мгер. / Теперь пойдешь к царю, твоему деду, / и принеси в жертву десять телок. / Приведи священников провести службу, / дверь церкви откроется, / и ты сможешь наложить амулет³⁶ себе на грудь, / взять меч в руки, / взять жезл (гюрзн, от перс. гурз) в руки / и отправиться на битву с язычником, / чтобы не погибла армянская вера. / Твой конь, Курке Джалате, в пещере. / Так повелел тебе Бог».

Жертвоприношение было совершено Марии, Матери Божьей в месте, которое называется Маратук.

№ 4 (37)

Они пошли вместе по берегу моря, / Санасар был старшим братом, Багдасар – младшим. / Санасар сказал Багдасару: «Давай прыгнем в воду, это лучше, чем идти. / Языческий царь хочет принести нас в жертву своим идолам». / Сердце Багдасара не лежало к этому, так что / Санасар сам нырнул в воду. / По Божьему повелению он прошел через море как посуху. / Море распахнулось, он вошел в сад / и увидел: там был привязан конь, / Меч-Молния висел на нем. / Он пожелал оседлать коня. Тот сказал: / «Рожденный на земле, что ты делаешь, что ты задумал?» / Он ответил: «Хочу скакать на тебе». / Конь сказал: «Я отдам тебя Солнцу, чтобы оно спалило тебя!» / Он сказал: «Я морем рожден (цовайин), я повисну под твоим брюхом». / Когда конь понес его к Солнцу, он повис под его брюхом, / когда конь перевернулся, он вскочил к нему на спину. / Тот сказал: «Я – твой конь, ты – мой хозяин. / Ты из породы беспокойных, – / пойдешь. Выпей воды и отдохни». / Он пошел и увидел шлем. / Он забил в него два литра хлопка, / но шлем все равно не держался на его голове. / И был там ремень. / Он обмотал его вокруг талии семь раз, но тот все равно не держался. / И была там пара сапог. Он засунул в каждый по литру хлопка / и надел, но они все равно были слишком велики ему. / Он не знал, что, когда выпьет воды, он уснет. / Он выпил воды и уснул. / Спал он недолго, и Бог дал ему свою милость. / Проснувшись, он вынул два литра хлопка из сапог / и надел их на ноги; / обмотал пояс вокруг талии и надел шлем на голову. / Он встал, оседлал коня, проскакал через сад / и снова увидел небо.

№ 5 (38)

Санасар и Багдасар встали и пошли вместе по берегу моря. / Они сели рядом и заплакали. / Санасар сказал: «Брат мой, / пойдешь, прыгнем в море / и утонем. Лучше так, чем допустить, чтобы царь / принес нас в жертву идолам». / Багдасар сказал: «Брат мой, / жизнь сладка. Я не хочу прыгать». / Санасар встал и сам прыгнул в море. / Он воззвал к Богу / и полетел вниз головой (шалапутик) сквозь море. / Он достиг дна, взглянул – и что же он увидел? / Он увидел там дворец и чертог / с бассейном между ними и прыгнул в него. / Там был привязан конь, и на четырех его ногах висели Меч-Молния, / пояс Атабен³⁹, маленький шлем на голову, / ремень на талию. / Он

вошел и искупался. / Он оседлал Куркика Джелали и вылетел из моря. / Санасар был ребенком, когда прыгнул в море, / а вернулся взрослым и пламенным.

№ 6 (40)

Битва с драконом: Санасар здесь не сражается с драконом, а усыпляет его, чтобы выкрасть кольцо из его уст. Можно вспомнить гностический «Гимн жемчужины», написанный по-сирийски, где парфянский принц должен добыть бесценную Жемчужину, которую стережет дракон в Египетском море. Принц сам становится жертвой дурмана, но когда он приходит в себя, то волшебством побеждает дракона и достигает своей цели. Этот текст представляет собой своего рода сжатый эпос, очевидно, направленный на прозелитов, видимо, манихейских, в армяно-ирано-сирийском регионе.

Старец спал, но Санасар не мог уснуть. / Он увидел, что старец спит, / и отправился той ночью в город, / нашел сорок верблюдов и сорок бочонков вина. / Он взял их ночью и оставил на берегу моря. / Верблюды вернулись, а он остался там. / Он вылил вино в море, / дракон напился (вишап сархошцав). / Тогда он нырнул на морское дно / и увидел, что дракон поднял голову. / Он протянул руку / и вырвал кольцо из уст дракона, / вернулся, пришел в трактир и лег. / На рассвете море взъярилось, / ветер дракона (вишап ками) обрушился на город. / Царь спросил вестника: / «Кто достал кольцо из уст дракона?» / Они искали и никого не нашли, спросили старца, / который сказал: «Прошлой ночью никто, кроме этого мальчика, не приходил в мой трактир. / Однако он, придя, рухнул и заснул». / Санасар спросил: «В чем дело?» / Они рассказали ему. / Санасар сказал: «Я сделал это. / Делайте, что хотите». / Они назвали свою цену, Санасар – свою, – и схватка началась.

№ 7 (41)

Месяц прошел, год прошел, / и вновь посетили они священников царя Гагика. / Они отправились в паломничество в монастырь Хили, над Востаном (ныне Геваш, город на берегу Вана напротив Ахтамара, недалеко от Нарека). / Там сидела она, ела и пила на лугу / меж двух ручьев. / Девушка взяла чашу и дала выпить своей двоюродной бабке, / напоив ее водой из этого источника. / Священник запечатал воду знаком Креста, / дал ее девушке, и она выпила. / Он дал ей еще воды из этого источника, / дал ее девушке с одной и с другой стороны, и она выпила. / Оба источника иссохли. / Они воздали хвалы Богу; / и, завершив паломничество, вернулись, / и пришли ко двору царя Гагика. / Через некоторое время девушка забеременела. / Сообщили об этом языческому царю и сказали: / «Твоя жена, дочь царя Гагика, беременна. / Ты обещал, что не войдешь к ней семь лет, / но сделал это. Что скажешь? Что нам делать?» / Он ответил: «Будьте настороже! / Когда родится ребенок, посмотрим, чей он. / Я господин, а она моя жена, не ввязывайтесь в это». / Он ждал, прошло девять месяцев, / и Бог даровал двух мальчиков: вот они. / Священник крестил их / и назвал старшего брата Санасаром, / а младшего Багдасаром...

Потом вышла между ними ссора. / Санасар и Багдасар встали, / забрали свое имущество, мать, священника / и пошли к своему деду, царю Гагику. / Они рассказали Гагику, / как было дело. / Царь Гагик сказал: / «Славные юноши, пойдите в Эртел (т.е. Артер), / и пусть все будет по воле Матери-Богородицы. / Если Вы достойны, Крест Битвы, / Меч-Молния, Куррик Джелали, / доспехи и все прочее, – / увидите, как все придет к вам. / Мальчики пошли / в долины Пшеванка / и бродили там. / По Божьему повелению, когда ходили они там, / море расступилось перед ними к Эртелю. / Пред глазами Санасара оно высохло, / и Санасар пошел прямо к Эртелю, / а Багдасар остался стоять, со словами: / «Увы! Мой брат ушел и пропал в море». / Санасар достиг дворца / и в церкви лишился чувств. / Он спал и видел сон. / Мать-Богородица чудесным образом пришла к нему во сне и сказала: / «Твой Крест Битвы здесь. / Встань и преклонись предо мной семь раз в молитве. / Если ты достоин, ты получишь / Куррика Джелали, / кольчугу, / пояс Озени, / шлем Кезех, / сапоги Кюсюль, / Меч-Молнию, / клинок Нерез. / Возьми все это, / иди и добейся того, к чему стремится твое сердце. / Затем омойся в источнике, / и сила твоя возрастет всемеро: / ты один станешь сильнее семерых». / Он встал, омылся в источнике, / взял все это, / и Божье благословение было над ним. / Он оседлал Куррика Джелали, / море расступилось перед ним, / и вернулся он к своему брату.

№ 8 (42)

В этом варианте Богоматерь в инициационном сне говорит Санасару: «Ты станешь отважным героем». Армянские гражданские и религиозные братства, возникшие в Эрзнка (XIII в.), а позднее и на Украине, назывались «союзы ктричей (слово означает смелого, героического юношу)». Эти братства были схожи с иранскими организациями джаванмардан, «молодых людей», которые иначе назывались по-арабски футувва – «молодые люди», ахи – «братство» и аййаран⁴².

Этические представления этих иранских и армянских союзов близки к традициям эпических героев: их члены должны были быть бесстрашными атлетами и одновременно мистически религиозными альтруистами.

Случилось так, что он и его брат пошли домой. / Они взяли свою мать, священника Меликсета, свою двоюродную бабушку / и отправились в Ахтамар. / Санасар и Багдасар провели там некоторое время / и пошли прогуляться по берегу моря. / Пред глазами Санасара / море превратилось в сушу на всем пути к Артеру; / но перед глазами Багдасара оно осталось морем. / По суше, которую он увидел, Санасар / дошел до Артера через море. / Но Багдасар видел лишь море. Он закричал: / «Брат мой ушел в море и утонул». / А Санасар дошел до Эртера (Артер), / достиг его и увидел церковь. / Он зашел туда. / Войдя в церковь, / он лишился чувств, упал и заснул. / И увидел сон: во сне / к нему пришла Богородица и сказала: / «Встань, Санасар. / Вот пещера (мегаре), откопай ее. / В ней лежат доспехи: лежит кольчуга, / лежит ремень, / лежит шлем Кезех, / лежат сапоги Кюсюль. / Там же – большой котел, в котле – ножны, / а в ножнах – меч. / Меч зовется Меч-Молния. / На берегу моря – камень, / под камнем – уздечка. / Достань ее, / и из моря выйдет

конь: это морской (цовайин) конь. / Коня зовут Кюрик Джелали. / Встань, Санасар, иди во дворец и омойся в воде. / Ты станешь сильным и могучим, станешь смелым героем. / Возьми все это себе». / Санасар проснулся, встал и сказал: / «Что за сон я видел! / Это правда или ложь?» / Он пошел туда, куда указала ему Богородица, / раскопал пещеру, нашел там / все, что видел во сне, и забрал себе. / Он омылся в воде во дворце, стал сильным и смелым, / надел доспехи: надел кольчугу, / перепоясался ремнем, / надел на голову меч Кезех, / надел на ноги сапоги Кюсюль, / взял Меч-Молнию, / пошел на берег моря, отвалил камень. / Ударил по морю уздечкой, схватил Кюрика Джелали, / взнуздal его, оседлал и умчался прочь из Артера.

№ 9 (44)

В этом варианте на дочери Гагика хочет жениться не багдадский халиф, а сын курдского правителя Востана, который увидел ее прогуливающейся в Ахтамаре.

Они пошли и оставались там год. / Девушка послала весточку царю Гагику: / «Я не выживу здесь. / Возьми лодку ночью и забери меня отсюда». / Когда он увез ее, девушка сказала: / «Конь унесет меня в Ахтамар, чтобы достичь Эртеля (Артер)». / Придя туда, она забеременела. / Три или четыре года она скрывалась там / и родила там двух мальчиков-близнецов. / Одного из них назвали Санасаром, а второго – Багдасаром. / Мальчики росли не по дням, а по часам. / Прошло десять лет. / Мальчики сказали друг другу: / «Мы не можем оставаться здесь. Что нам здесь делать? / Мы не можем оставаться на этом острове, в море. / Пойдем к другим рубежам, в другие земли». / Они встали и пошли в другое место. / Мальчики сказали: «Мы не пойдем в другие деревни, / построим наш дом здесь». / И построили они себе дом, / взяли гигантские камни и построили дом.

№ 10 (45)

Жил да был армянский царь. / У него была дочь. / Она была очень красивой (хорот). / Взгляд царя Персии / упал на дочь царя Востока. / Царь Персии был очень могущественным. / Он послал весть к царю Востока: / «Отдай свою дочь за моего сына». / И еще дважды он посылал весть: / «Отдай свою дочь за моего сына». / Тот ответил: «Я армянин, ты перс. / Я не отдам мою дочь». / Персидский царь сказал: / «Если ты не отдашь свою дочь за моего сына, я убью многих из вас». / Когда девушка услышала это, она подумала и сказала: / «Из-за меня они убьют всех этих людей. / Их дети останутся сиротами и проклянут тебя. / Тогда они заберут меня силой...»

Девушка выходит замуж за сына персидского царя.

Они оставались во дворце полгода, / а потом послали ответ: / «Разве мы пленники здесь? / Ты не даешь нам выйти из дому». / Царь сказал: «Они правы. Пусть пойдут на прогулку». / Стражники

позволили им выйти прогуляться. / Дочь царя никогда не видела моря. / Они гуляли по Царскому саду, / она вышла и увидела Синее море⁴⁶. / Не увидев границ моря, она подошла к нему, / встала на скале, глядя вокруг, / и увидела, что море безгранично. / Она испугалась, села и сказала: / «О, если бы было немного воды, я бы выпила». / Она прошла немного, но не увидела в скалах воды, / посмотрела на море и увидела огромную скалу, стоящую у морского берега. / Белый фонтан бил из скалы, / и вода из него била во все четыре стороны, / так что человек, не сняв одежды, / не мог дойти до источника и выпить воды. / Она сняла одежду и подошла к источнику, выпила воды, ушла / и вернулась в свой дворец. / Священник справил службы в соответствии с армянским обычаем, / провел мессу и заверил в безгрешности девушки. / Прошел год, и живот девушки увеличился. / Царь услышал от своей матери: / «Твоя невеста беременна». / Царь собрал совет (диван), позвал визиря и спросил: / «Что ты на это скажешь?» / Визирь ответил: «Да продлятся дни твои, о царь! / Приведи священника, который живет на половине твоей невесты. / Кто знает, может быть, священник делает такие вещи?» / Царь спросил: «Визирь, что мы будем делать потом?» / Визирь отвечал: «Потом мы убьем обоих». / Они сказали палачу: «Иди отруби головы обоим». / Палач пошел во дворец к невесте и сказал: / «Царь велел мне перерезать тебе горло». / Невеста отвечала: «Твой царь неправ: / перерезать горло беременной женщине – значит убить двоих»...

Родились близнецы.

Однажды они опять пошли на морской берег погулять. / К ним подошел старец и сказал: / «Санасар, пойдем, я возьму тебя на остров среди моря. / И там я дам тебе Меч-Молнию, / Курку Джалали, Седло Мать Жемчуга и Грозный Жезл». / Санасар сказал своему брату: «Багдасар, / оставайся здесь, а я пойду. / Если я утону в море, / ты останешься в живых». / Багдасар сказал: «Брат, ты оставайся здесь, а я пойду». / Старик сказал: «Ты оставайся здесь, / а Санасар вернется к тебе. / Он силен, он принесет Грозный Жезл». / И пошел Санасар со стариком на остров в море. / Там старик показал ему Курку Джалали, / Меч-Молнию, Жемчужное седло и Грозный Жезл. / Санасар сказал: «Отче, / откуда пришли мы на остров? / Ни следа не осталось. Мы не утонули в воде, / но отсюда со всеми тяжелыми вещами / как сможем мы уйти и не утонуть?» / Старик сказал: «Оседлай коня, / возьми оружие, возьми мою руку, / крепко закрой глаза, призови Бога, / и я унесу тебя отсюда». / И старик унес его оттуда к его брату.

№ 11 (47)

В тексте упоминается «яма» Гаваша. Это может быть связано с легендой о «глубоком» [хор] хранилище или хлеву (гом) в деревне Хоргом (зап.-арм. Хорком) к востоку от Востана/Гаваша в сторону города Ван. Уроженцем Хоркома был знаменитый американо-армянский художник-экспрессионист Аршил Горький.

Давным-давно в деревне Гаваша стоял языческий храм. / А в Ахтамаре и долине Хаву48 жили верующие в Бога. / Но было их немного, а царство было в руках язычников. / Язычники ходили среди верующих в Бога. / И был в Ахтамаре священник, / а дочь его была очень красива (хорот). / Когда они увидели эту девушку, то послали к царю со словами: / «У священника в Ахтамаре очень красивая дочь». / Царь ответил жителям Ахтамара: / «Возьмите ее, вашу дочь, и приведите ко мне. / Если вы не сделаете этого, я истреблю вас всех...»

Она выходит за него замуж.

Резиденция царя была на равнине Нор Гега. / Там он воевал, и там же было место его молитвы. / И там были все храмы идолопоклонников. / Они отмечали свадьбу семь или восемь дней. / Шатер епископа и его племянницы стоял / неподалеку от царского. / Оба они жили в одном шатре. / Царь издал указ: / «Сорок дней царь не войдет на половину своей жены». / Через тридцать девять дней / епископ обратился к царю со словами: / «Вели, чтобы я завтра вместе с моей племянницей / пошел в Хили прогуляться у источников. / Я прогуляюсь, вернусь и уйду к себе». / Царь сказал: / «Велю тебе / взять свою племянницу, / пойти на прогулку и вернуться». / И он пошел вместе с племянницей в Хили. / Придя туда, они помолились Богоматери Сорока Алтарей. / Помолившись, они сразу поспешили оттуда, / вышли из церкви и спустились в Хили. / Там епископ отодвинул камень, / и оттуда хлынула вода. / Епископ поставил чашу себе на грудь, опустил ее под воду / и наполнил до краев. / Он сказал: «Девочка, возьми эту воду и выпей». / Он поставил чашу перед ней, наполнил еще раз, / но она была уже не так полна, как в первый раз: / воды было чуть меньше, и она была мутноватой. / Он снова дал чашу девушке, и она выпила. / Он поставил камень обратно, они развернулись и пошли обратно. / Епископ сам привел ее / к шатру царя и ввел туда. / На сороковой день / они вошли в шатер и сели. / Епископ, показав / своей племяннице все, / встал и с разрешения царя отправился к себе. / В тот вечер царь должен был войти к своей жене. / Она послала царю письмо, в котором говорилось: / «В тот миг, когда я вошла в твой шатер, / то ли от любви к тебе, то ли от страха я забеременела. / Так что ты не сможешь войти ко мне еще девять месяцев. / Если ты веришь, / то с момента, как я вошла в твой шатер, / отсчитывай время, когда родится ребенок. / Если это случится хотя бы на полчаса раньше или позже, отруби мне голову». / Царь не вошел к ней. / Он подумал: «В чем же дело? / Надо посмотреть и посчитать, ложь это или правда». / По прошествии девяти месяцев она родила двух мальчиков-близнецов. / Царю сообщили: / «У тебя мальчики-близнецы». / Царь был мудр. Он позвал секретаря и сказал ему: / «Отсчитай от такого-то дня и часа до нынешнего момента. / Не ошибся ли я?» / «Нет, ни больше ни меньше». / Царь согласился. / Девушка послала своему дяде весть, что он должен прийти. / Ее дядя встал и пришел. / Втайне он крестил обоих мальчиков / и назвал одного Санасаром, а второго Багдасаром. / Четыре или пять дней он оставался там, / а потом ушел оттуда.

№ 12 (49)

Качет – вариант названия деревни Кашт, в Моксе, которая славна своими храбрыми героями, чью безрассудную отвагу порой принимали за глупость. Это качество жителей Кашта вошло в

поговорку, в результате чего люди стали считать, что «молочный фонтан», который вспоил героев, лишает людей разума, и его засыпали⁵⁰.

Гагик был царем в Керманачегке, напротив Ахтамара. От также правил Гевашем, Хави Цором⁵¹, Шатахом⁵², Моксом, Спаркертом, Хизаном, Каркаром и Карчваном.

И был у него летний дворец, который назывался Хили. Там было триста благоуханных лугов, а также Молочный источник.

В деревне стояло здание храма идолов. Это было высокое здание без знаков⁵³ на нем. Говорили, что там были только буквы А или С⁵⁴. Перед входом располагалось сорок небольших хижин, где раньше располагались идолы; большой идол находился внутри монастыря (ванк, sic!) . Таков был летний дворец царя Гагика⁵⁵.

Дочь царя Гагика тоже была там. / Она пошла прогуляться вокруг Молочного источника, / пришла туда и выпила воды. / Говорят, что она забеременела от этого источника. / Так девушка сказала своему отцу. / Когда отец ей не поверил, все набросились на девушку. / Девушка позвала доктора и попросила его осмотреть ее. / Доктора сказали: «Это не от человека». / Но отец по-прежнему не верил ей. / Девушка взяла с собой одного из слуг / и убежала в земли Сасуна. / Там она жила / и родила двух мальчиков, / Санасара и Багдасара. / Они выросли там и стали красивыми (хорот) мужчинами / и силачами⁵⁶, удивительными силачами. / Они тоже построили там себе дом / и заложили замечательную крепость. / Они закончили строительство крепости...

№ 13 (57)

Этот рассказ, написанный на позднем классическом армянском с турецкими и персидскими заимствованиями, во многом пересекается с эпической традицией. В тексте упоминается лодка паломников, которая затонула в шторм напротив города Арчеш (урарт. Аргиштихуна, греч. Ардзес, тур. Эрчиш), расположенного на северо-восточном побережье озера Ван. По всей видимости, они плыли из дома, с острова Ахтамар, в порт Гаваша/Востана на южном побережье, в нескольких километрах отсюда в глубь материка располагался Нарекванк. Арчеш, однако, находится далеко в стороне, и, возможно, в истории упоминается средневековый город, поглощенный волнами и покоящийся на дне озера Ван напротив Орорана между Плуром и Плурмаком. Современный город расположен в 6 км к северо-востоку. Эти развалины будили воображение рассказчиков, которые сочиняли истории о драконах и подводных городах, фигурирующие как в этом тексте, так и в эпосе.

В Ахтамаре жил человек по имени Андреас. Его жена была бесплодна, и у них не было детей. И пошли они к гробнице Григора Нарекаци попросить святого даровать им сына. Св. Григор заступился за них, и Бог подарил им сына. Они очень обрадовались, крестили его и назвали Григором. Когда мальчику было семь лет, отец и мать решили взять его с собой к гробнице святого. Они сели в лодку и в субботу, в день Вардавар⁵⁸, оказались посреди моря. По дьявольской воле поднялся страшный ветер и унес лодку от Арчеша к Каракашишу. Мальчик упал за борт. Отец и мать рыдали так, что ослепли от слез. Они высадились на сушу и искали всюду, но не нашли тела своего сына. Рыдая, вернулись они домой, и оставались там до Вардавара следующего года. Соседи сказали Андреасу: «Твой сын упал в море и погиб. Ты ослеп от слез. Пойдем к гробнице святого, и он вернет свет твоим глазам». Они прибыли к водяной мельнице монастыря, и соседи пошли вперед, чтобы поцеловать гробницу святого. Открыв ворота гробницы, они увидели маленького Григора. Он сидел на гробнице, и с него капала вода. Изумленные и обрадованные, они вернулись к родителям мальчика, чтобы сообщить им радостную весть: «Ваш сын жив, он сидит на гробнице святого». Но те не верили, пока сами не узнали сына. Они попросили его рассказать, что же с ним случилось. Он ответил: «Когда я упал в воду, меня схватило чудовище⁵⁹ и хотело утопить меня в море. Но тут появился Григор Нарекаци с посохом⁶⁰ в руке, отстранил⁶¹ чудовищного демона⁶² и освободил меня из его лап. Он повел меня на морское дно, ударил по дну посохом и накинул свою мантию (пилон) на посох, так что получилось подобие шатра. Вода была надо мной наподобие свода. Он осенил крестом, как знаком (хачакнкеац) на четыре стороны, и все залил свет. Я покоился там, будто во дворце света⁶³. Он сказал: «Оставайся здесь, пока я схожу исполнить просьбы паломников». В понедельник он вернулся и принес мне две святые облатки (ншхарк); я съел их и стал сильнее. С тех пор каждую субботу он приносил мне по две святых облатки. Но сегодня он сказал мне: «Послушай! Сегодня твои отец и мать придут в паломничество к моей гробнице. Я возьму тебя и отдам им». Он взял меня и вынес из моря; внезапно я понял, что сижу на его гробнице. Он дал мне пелену⁶⁴ из своих рук, сказав: «Это вернет свет глазам твоих родителей». И когда они поцеловали священную пелену⁶⁵, их глаза прозрели. И все, кто видел и слышал это, изумились и поразились и воздали хвалы Богу и св. доктору Нарекаци.

Св. Григор Нарекаци, «Книга скорбных песнопений» (66)

(I)

О Господи, щедры Твои даренья.

Ты – жизни свет, души успокоенье,

Во имя нас страдал Ты и скорбел,

Идя путем Своим неизреченным,

Спасая нас, Ты муки претерпел

Пред тем, как вознестись в иной предел

И слиться с Духом наисовершенным.

Во имя всех апостолов святых,
Во имя благоизбранных Твоих,
Благословляемых Твоею дланью,
Создавшей твердь и все, что в мире есть,
Которым я в другом своем писанье⁶⁷,
По мере сил воздал хвалу и честь;
Во имя их любви и совершенства
Без милости меня Ты не оставь
И на стезю желанного блаженства⁶⁸
Их указаньем пастырским направь.
О Господи, надеждой на спасенье
Отметь меня, как тех отцов святых⁶⁹,
Прославленных чредою⁷⁰ поколений⁷¹,
И языками всех краев земных.
Наставь меня, как тех святых людей,
Увенчанных венцами светозарными,
И песнопениями благодарными
И озаренных милостью Твоей.

(II)

Всегда Ты, Господи, тех отличал,
Кто проповедовал твое ученье,
Их частые молитвы принимал,
И фимиам, и жертвоприношенья.
И хоть их кровь обильная текла,
Они при жизни были непреклонны.
Неверие в Господние законы
Вовек не омрачало их чела.
Пусть им порою не хватало сил,

Они Твое несли повсюду слово,
И Ты их, Милосердный, возродил
Из праха, из ничтожества земного. Ученики апостолов святых,
Они сумели, претерпев страдания,
Увидеть в слепоте сует земных
Заметное не всем Твое сиянье.
И, к пиршествам причастны неземным,
Теперь они блаженствуют, провидцы.
Наставь меня, чтоб я, подобно им,
Спасенье принял из Твоей десницы⁷².

(III)

Блажен, кто в пламени горел, кто пролил
И кровь, и слезы, избранный Тобой,
И те блаженны, что по доброй воле
Ушли навек от суеты мирской,
Попрали смело⁷³ все свои сомненья,
И велиар не смог их побороть
На бранном поле жизни, где в боренье
Извечно пребывают дух и плоть.
В морских волнах они достигли суши⁷⁴,
Обетованный отыскав предел,
И возродились легкие их души,
Плывя в ковчеге их тяжелых тел⁷⁵,
И заблестели неземной красою
На их главах венцы в сиянье дня...
Поддержанного их мольбой святою,
Причисли к ним и грешного меня.

(IV)

С молитвой старцев, славящих Тебя,
С молитвой, что достигнет небосвода,
Свою мольбу соединил, скорбя,
И я, как каплю дегтя с бочкой меда.
Пусть их моления с моей мольбой
Предстанут, как уродство с красотой,
Хоть на мгновенье слившись воедино,
Как с грязью – изумруд, со золотом – глина
Или с никчемным камнем – серебро,
С неправдой – правда и со злом – добро.
О Боже, выслушай, не отстрани,
Молитву нашу! Не суди сурово
Их слово ради грешного меня
И ради них мое приемли слово.
О Совершенный, о Благословенный,
Несотворенный, Несказанный и Нетленный⁷⁶,
Ты, Господи, Источник всех даров,
Всех добрых дел Начало и Причина!

(V)

Не осуждаешь Ты Своих рабов,
В отличие от людей не мстишь безвинно.
Не умерщвляешь их, но оживляешь
И обретаешь их, а не теряешь,
Не изгоняешь Ты, а собираешь,
Не предаешь, не губишь, а спасаешь,
Ты оступающих не толкаешь⁷⁷,
Погрязнувших в грязи – Ты поднимаешь,

Не проклинаешь, а благословляешь,
В грех не вергаешь – веру возвращаешь,
Ты грешных не казнишь, Ты их прощаешь,
Ты не колеблешь нас, а утверждаешь,
Не попираешь Ты, а возрождаешь,
Спасаешь грешных Ты, а не караешь,
Ты безутешных в горе утешаешь,
Жизнь сохраняешь, а не убиваешь,
Не укоряешь Ты, а наставляешь.
Мы забываем – Ты не забываешь,
Мы отступаем – Ты не отступаешь.
В отличие от сущих на земле
Ты милостью вражды не вызываешь,
Презренному злословью и хуле
За доброту Себя не обрекаешь.
Тебя не осуждают за терпенье,
Лишь Ты не клеймен за всепрощенье,
Не обречен за кротость на гоненья,
Единственный, кому на все даренья
Ответствует не брань и не хула,
Не слово осужденья и презренья,
А истая молитва и хвала.
Так отпусти, о Господи, мой грех,
Спаси, о Милосердный, от проклятья.
Прости меня, хоть я грешнее всех,
И долг скости, что не сумел отдать я!
Лишь перст поднимешь Ты⁷⁸, и сгинет зло,
Нам к совершенству путь в Твоей лишь воле.
Тебе меня спасти не тяжело,

А для меня что можно сделать боле?
Вдохни в меня, о Боже, образ Твой⁷⁹,
Навстречу протяни Свою десницу,
И дух мой грешный обретет покой,
Спасенье обретет и возродится.

(VI)

Не приближай, Господь, мой смертный час,
И мой последний вздох не торопи Ты,
Чтоб я без очищенья и защиты
Не отошел в путь дальний, ждущий нас⁸⁰.
Я жив надеждою как смертный каждый,
Не дай испить мне желчь, когда возжажду,
Пусть не придет мой смертный час во сне,
Как вражие нашествие⁸¹ ко мне.
Пусть лихорадка не охватит вдруг
Моих корней, не пережжет случайно,
И пусть безумье иль другой недуг
Моей душой не овладеют тайно⁸².
Дай искупить при жизни грех мирской,
Да не умру я, задремав средь ночи,
Пусть не сулит мне гибели покой,
Пусть забвенье мне смерти не пророчит.
И пусть во время сна последний вздох
Навеки не прервет мое дыханье,
Пусть не застанет смерть меня врасплох
Без памяти и слова покаянья!

(VII)

О Господи, Твое долготерпенье
Спасает от отчаяния нас,
Твое всесилье – наше озаренье,
Спасенье от безумья в черный час.
Ты – от недугов наших исцеленье
И воскрешенье, и животворенье,
Ты – наша вера, наше искупленье,
Сколь многих Ты из темной бездны спас!
Ты слабых духом к жизни возвращаешь,
Нас из драконьей пасти вырываешь,
От губельных страстей освобождаешь,
Чтоб видеть рядом с праведными нас!
Все в мире павшие и вознесенные,
В грехах погрязшие и возрожденные,
Тобой спасутся, ибо Ты – родник
Надежды и раба, и властелина⁸³.
Сознанием не постичь, сколь Ты велик,
Единственный для всех нас и Единый,
Все под тобою: и моря, и реки,
И прах пустынь, и камень всех твердынь.
Да будут прославляемы вовеки
Отец и Сын, и Дух Святой.
Аминь!

Примечания:

1 См.: Russell J.R. – intro., tr., and annotated. Karapet Sital, An Armenian Epic: The Heroes of Kasht (Kashti k'ajer). Ann Arbor: Caravan Books Anatolian and Caucasian Series, 2000. P.123–132, n. 36.

2 Большой Арапат, тур. Aghri dagh, совр. арм. Masis (от класс. арм. Azat («свободный, благородный») Masik', вероятно, от древнеиран. *masyah – со значением «очень большой»). Есть еще одна гора, Sir'an или Subhan dagh, к северу от озера Ван, называемая Nekh Masis, возможно, от nakhwa – «первый», расположенная за современной границей напротив Еревана. Эта гора, согласно мифам, является местом заточения апокалиптического царя Артавазда. Этот благородный титан, увенчанный снежной шапкой, возвышается над священным городом Эчмиадзином; фольклорные и церковные предания со временем приписали ему честь быть местом, где пришвартовался Ной.

3 См.: Stone N. *The Kaffa Lives of the Desert Fathers: A Study in Armenian Manuscript Illumination*. Leuven: Peeters, 1997; цит. в: Russell J.R. *The Credal Poem Hawatov Xostovanim («I Confess in Faith») of St. Nerses the Graceful // Armenian and Iranian Studies (= AIS)*. Harvard Armenian Texts and Studies 9. Cambridge, MA, 2004. P. 1016, n. 47.

4 Когда я впервые посетил Нарек (1994), на холме, где раньше стоял монастырь, строилась уродливая кубическая мечеть. При строительстве использовались камни с крестами, изображенными на них паломниками в Нарекаванк. Остались так же фотографии большого крестообразного камня (арм. хачкар) с равносторонним крестом, возможно, X века, а также многочисленных камней с надписями, которые лежали неподалеку и использовались для переправы через арык. Когда я вернулся (1997), деревенские жители, которые по-прежнему называли деревню Нарик (хотя турки переименовали ее в Емишлик), рассказали, что вскоре после моего отъезда несколько лет назад приехали турецкие правительственные чиновники и раздробили хачкар на куски. Этот акт преднамеренного вандализма характерен для политики, проводимой государствами – наследниками архитекторов геноцида армян. Так, в последние несколько лет власти Азербайджана систематически уничтожают десятки тысяч армянских крестообразных камней в Джулфе и других местах.

5 О Нарекаци см.: Russell J.R. «A Poem of Grigor Narekats'i»; «A Mystic's Christmas in Armenia»; «On St. Grigor Narekats'i, His Sources and His Contemporaries»; «A Shipwreck Awesome and Marvellous: Chapter 25 of the Lamentations of Narekats'i»; «Two Notes on Biblical Tradition and Native Epic in the 'Book of Lamentation' of St. Grigor Narekats'i»; «Virtue and Its Own Reward: The 38th Meditation of the Book of Lamentation of St. Grigor Narekats'i»; «Armenian Spirituality: Liturgical Mysticism and Chapter 33 of the Book of Lamentation of St. Grigor Narekats'i»; «The Four Elements and the Cross in Armenian Spirituality, with an Excursus on the Descent in Merkavah Mysticism»; «Bedros Tourian's Cruciform Prayer and Its Antecedents»; «Loytsn matsuats: On Cosmological Mysteries in Armenian Tradition». Об образности Шноргали см.: «A Credo for the Children of the Sun» (repr. in AIS). 6 Один из примеров – армянская традиция изображения на рельефах креста, возвышающегося над парой крыльев (эмблема святости в зороастрийской иконографии) (См.: Russell J.R. *The Scepter of Tiridates // AIS*. P. 1141, pl. 2). Можно добавить также несколько крестообразных камней с подобными крыльями в монастыре Мугни около Еревана.

7 См. об этом: Russell J.R. *Zoroastrianism in Armenia // Harvard Iranian Series 5*. Cambridge, MA, 1987; «Pre-Christian Armenian Religion» (the latter repr. in: AIS). О топосах см.: «Scythians and Avesta in an Armenian Vernacular Paternoster and a Zok Paternoster»; «A Bas-Relief on the Cathedral of the Holy Apostles at Kars, Armenia» (repr. in: AIS).

8 См.: Russell J.R. *Introduction // Grigor Narekats'i. The Book of Lamentations // Classical Armenian Text Reprint Series*, Caravan Books, Delmar, NY, 1981.

9 См.: Garsoian N.G. The Iranian Substratum of the Agat'angelos Cycle // East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1982; Idem. The Locus of the Death of Kings: Iranian Armenia – the Inverted Image // Armenia between Byzantium and the Sasanians. L., 1985.

10 См. мои статьи о скипетре Тиридата и о церкви Св. Апостолов в Карсе (прим. 6, 7).

11 Священное место, которое видят только праведники, и место, скрытое под водой.

12 Garegin Srvandztyants'. Erker, I. Erevan, 1978. P.99, 101, 105. – Нерсес мог не одобрить лишь непомерно большое, эпическое количество животных. Вообще армяне одобряли и практиковали кровавые жертвоприношения. В 1982 г. я наблюдал, как деревенские жители в Севане (Армянская ССР) перед хачкаром приносили в жертву петуха и рисовали кровавый крест на лбу больного ребенка. Армянская церковь также одобряет ритуальное жертвоприношение молодых животных (матах).

13 См.: Srvandztyants'. Op. cit. P. 72.

14 См.: Fowden E.K. The Barbarian Plain: Saint Sergius between Rome and Iran. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 48–57.

15 См.: Srvandztyants'. Op. cit. P. 606. О цветах и ритуале на Вознесение (Хамбардзум) см.: Russell J.R. Zoroastrianism in Armenia. P. 375–398.

16 Французский перевод Ф.Фейдита для серии ЮНЕСКО, английский перевод А.Шальяна.

17 Подробнее см.: Russell J.R. Iran and Israel in the Epic of Sasun; Idem. Epic in the Armeno-Iranian Marchlands (repr. in AIS).

18 Shalian A.K. – tr. David of Sassoun: The Armenian Folk Epic in Four Cycles. Athens, OH: Ohio University Press, 1964. P. 5–13, 44–49, 149.

19 Отсюда происходит название Мгери Дурн – «Врата Митры».

20 Суффикс -нар, возможно, происходит от иранского слова «женщина» с оригинальным долгим а. Возможно, топоним Нарек представляет собой форму прилагательного, образованного от этого слова.

21 Букв. «с широкими границами». Заметим, что озеро Ван описывается в эпосе как «безграничное».

22 Russell J.R. Some Iranica in Eznik // AIS. P. 1340–1343.

23 См.: Thierry J.M. Monuments Arméniens du Vaspurakan. Paris: Paul Geuthner, 1989. P. 292.

24 Сборник, написанный в Астрахани в 1837 г., содержит «Житие Нарекаци» Нерсеса Ламбронского, собрание молитв и молитвы св. Ефрема Сирина (Еганян О. и др. – ред. Каталог рукописей Матенадарана. Ч.II. Ереван, 1970. На арм. яз. С.1006).

25 Город Данвич в Восточной Англии постепенно погрузился под воды Северного моря (см.: Parker R. Men of Dunwich: The Story of a Vanished Town. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1978). Г.Ф.Лавкрафт (H.P.Lovecraft, ум. 1937, Провиденс, штат Род Айленд) в одном из своих рассказов

назвал в честь пропавшего Данвича мифический город в Массачусетсе. В его рассказе «Зов Ктулху» речь идет о полубожественном морском чудовище, подобном осьминогу, которое заключено в могилу в городе Р'льех глубоко под водами Тихого океана. Когда звезды сложатся соответствующим образом, оно проснется, неся разрушение и избавление. Его последователи повторяют мантру на выдуманном Лавкрафтом языке акло: Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu Rl'yeh wgah'nagl fhtagn («В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху дремлет в ожидании»). Такое впечатление, что Лавкрафт читал армянский эпос – и про Санасара, и про Покр Мгера! Но, хотя в Новой Англии в его времена жило немало армян, у нас нет свидетельств того, что он был знаком с Сасунским эпосом и его героями. Маловероятно, однако, что он не читал поэму лорда А.Теннисона «Кракен» о чудовищном гигантском осьминоге из сказаний северных моряков, о котором см.: Carrington R., *Mermaids and Mastodons: A Book of Natural and Unnatural History*, N.Y.: Rinehart and Co., Inc., 1957. P. 49 (изображения морского монаха и морского епископа (с. 59) могли повлиять на образ человека-рыбы и в рассказе Лавкрафта «Тень над Иннсмутом»).

26 См.: Былины / Под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Советский писатель, 1957. (Серия «Библиотека поэта») С. 224 и след.

27 См.: Комарович В.Л. Китежская легенда. М.: Издательство АН СССР, 1936. С.163.

28 См.: Russell J.R. Solov'i, solov'i // *Studies in Honor of Prof. Nina Garsoian. St. Nersess Theological Review* 10. 2005. P.77–139. Сокращенный русский перевод см.: Рассел Дж. Соловьи, соловьи... // *Россия XXI*. 2006. № 4. С. 156–197.

29 Сасна Црер / Под ред. М.Абеяна и К.Мелик-Оганьяна. Т. I–II. Ереван, 1936–1951. Т. II. С. 238–240. – Рассказано Муратом Овсепяном из Айрарата и записано Саргисом Хайкуни.

30 Сасна Црер. Т. II. С. 392–393. – Анонимный рассказчик из Вана, опубликовано в *Азгагракан хандес* («Этнографическое обозрение», Шуша и Тифлис) в 1910 г.

31 Халивор, от стандартного арм. алевор: похожий загадочный старец является к близнецам, чтобы указать им Сасун.

32 Сасна Црер. Т. II. С. 92 и след. – Рассказано Аракелом Шакрянном из Нор Баязета и записано Ервандом Лалаяном в 1905 г.

33 Йиран Аствац апавинец: это может отражать мусульм. *tawakkul*, но само последнее выражение происходит из зороастрийского среднеиранского *apastan*, «убежище (в Боге)», которое, в свою очередь, также было заимствовано армянским.

34 Арм. матур(н), от греч. *martyrion*, букв. «святилище мученика».

35 «Дядя» Кери Торос, фигура из эпоса.

36 Хмайил; слово, используемое также для обозначения магических свитков.

37 Сасна Црер. Т. I. С. 130–131. – Записано от рассказчика из Мокса Гарегином Овсепяном и опубликовано в 1892 г.

38 Сасна Црер. Т. I. С. 311–312. – Рассказано Сахо из Мокса и записано Саргисом Хайкуни, опубликовано в 1901 г.

39 Возможно, от тур. *Atabay*.

40 Сасна Црер. Т. I. С. 321–322. – Рассказано Сахо из Мокса и записано Саргисом Хайкуни, опубликовано в 1901 г.

41 Сасна Црер. Т. I. С. 476–477, 479–481. – Рассказано Варданом Мохси-Базикианом из Мокса и записано Арутюном Гиланяном из Мокса в 1911 г.

42 Сасна Црер. Т. I. Р. 533–535. – Рассказано Варданом Мохси-Базикианом из Мокса и записано Сенекеримом Тер-Акопяном в 1915 г.

43 Слово, происходящее от среднеперсидского и обозначающее «помощники», но позднее употреблявшееся также для обозначения безрассудного, преступного поведения, ср. армянское обозначение героев Сасунского эпоса как цур, «безумных, диких».

44 Сасна Црер. Т. I. С. 609. – Рассказано Мануком Арутюняном из Мокса и записано Карпетом Мелик-Оганьяняном в 1933 г.

45 Сасна Црер. Т. I. С. 835–840. – Рассказано Егиазаром Хакобяном из Гаваша и записано Арутюном Авчяном в 1909 г.

46 Капот цов, от арм. Капутан, наименования оз. Ван.

47 Сасна Црер. Т. I. С. 875–877. – Рассказано Григором Поханом Егизаряном из Гаваша и записано Сенекеримом Тер-Акобяном в 1916 г.

48 Хаву цор, т.е. курд. Хавацор, от арм. Хайоц дзор, «Долина армян».

49 Сасна Црер. Т. I. С. 1091–1092. – Рассказано Хованом Зограбяном из Качета и записано Карпетом Мелик-Оганьяняном в 1934 г.

50 См.: Russell J. R. – intro. // Karapet Sital...

51 Т. е. Хайоц дзор, см. выше.

52 Главный город Мокса.

53 Ншанер, т. е. крестов?

54 Армянские буквы, обозначающие звуки А и С, похожи на английскую заглавную U. Так что, возможно, рассказчик имеет в виду мусульманский полумесяц, а быть может, и напоминающий знак двойных рогов зороастрийский символ на куполах храма огня в Каркой. Сасаниды, впрочем, тоже использовали символ полумесяца еще до мусульманского вторжения.

55 Напомним, что средневековый армянский историк Мовсес Хоренаци описывал укрепленный комплекс в Гарни, включавший бани, храм или гробницу, а также дворец, как «летний дворец» дохристианского армянского царя из династии Аршакидов Трдата (Тиридата): там есть греческая надпись Трдата I (I в. н.э.). Если в этом странном описании есть зерно истины, то здание, возможно, представляло собой зороастрийский багин («святилище богов»), в котором располагались небольшие статуи тридцати трех язатов и семи амеша спента (общим числом 40. Хотя надо заметить, что число 40 вообще широко употребляется на Ближнем Востоке с самыми разными целями), а также большая статуя Бога-Творца, Ахура Мазды (арм. Арамазд) в главном зале. В столице парфянских Аршакидов Нисе в храме есть многочисленные ниши с

раскрашенными культовыми статуями, а армянские цари из династии Аршакидов часто совершали паломничества туда, на родину своих обожествленных предков.

56 Пелеван, от перс. пахлаван, букв. «парфяне».

57 Ганалаян А. Авандапатум («Традиционные повествования», в рус. пер.: «Армянские предания»). Ереван: Издательство АН АрмССР, 1969. С. 313–314. № 774.xv, из ереванского Матенадарана MS 9861. Л. 19b–21b.

58 Праздник Преображения.

59 айлакерп ми: букв. «ксеноморф».

60 Гавазан: букв. «палка для погона быков», термин, которым обозначался епископский посох.

61 Састеац: отыменной глагол от древнеиран. састи- «заявление».

62 Дивин, д.п. от дев, ср. среднеперс. деу, авест. даева-, и т.д.

63 И хангстеан ибреу лусеген дарпаси: для обозначения «дворца» здесь употребляется то же слово, дарпас, что и в повествованиях о подводных приключениях Санасара.

64 Тур. Аглухн.

65 Дастаракн: здесь – слово, использовавшееся в классическом армянском для обозначения священной пелены, на которой запечатлелся лик Христов.

66 Арм. Матеан огбергугеан, гл. 82. По изданию: Св. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений / Хачатрян П., Газинян А. – ред. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1985. – В рукописях эта глава обычно дается с заглавием, указывающим на то, что она адресована Апостолам (арм. Аракелоц). Однако образ спасения от дракона (вишапа) показывает нам, как эта молитва могла способствовать складыванию легенд о св. Григоре, спасающем тонущего мальчика. В большинстве изданий текст печатается в прозе; мы приводим здесь поэтический перевод Н. Гребнева с небольшими изменениями (Библиотека всемирной литературы. Т. 55. Поэзия народов СССР IV–XVIII вв. М., 1972. С. 103–107).

67 Скорее всего, отсылка к его «Славословию апостолам».

68 Букв. «тропу исходов», арм. shavigh elits'. Первое слово заимствовано из арамейского, ср. евр. shavil, араб. sabil (например, в метафорическом кораническом выражении fi sabil Allah, «путем Бога»). Elits' – род. п. мн. ч. от elk' («исход»). В данном контексте выражение означает отделение души от тела в момент смерти и ее последующий переход в иной мир. Здесь Нарекаци напрямую использует образ горных пастухов – привычная сцена для любого армянина. Однако, как мы увидим далее, у армянского читателя также должны возникать ассоциации с библейскими коннотациями безопасного прохода по дну моря. Нарекаци использует эти образы фигурально, тогда как благочестивые верующие из области Вана, очевидно, воспринимали их буквально, когда, используя фольклорные и эпические мотивы, складывали легенды о святом.

69 Т.е. Апостолов, которые первыми были отмечены благодатью высшего служения Господу: Григор сам был епископом.

70 Отсылка к ангельским чинам, о которых пишет Псевдо-Дионисий Ареопагит.

71 Арм. *getots'*, «рек», встречаемое во многих изданиях, безусловно, ошибочно. Можно предположить чтение **ditats'*, род. п. мн. ч. от *det* – «(ангельский) страж». Это слово может одновременно быть переводом греч. *egregoros* (арам. *'irin [qadishin]*, «святые стражи»), «неусыпный ангел», а также быть скрытым указанием на имя самого Григора.

72 В оригинале «как говорил пророк». Видимо, отсылка к Самуилу или Илии, ср.: I Царств 28:13-14 и 4 Царств 2:11.

73 Хотя слово *agi* «смелый, мужественный», встречающееся в тексте несколько раз, и *k'aj* «смелый», употребляемое здесь, полностью совместимы с христианской концепцией солдата-мученика и аскета-воина, сражающегося против искушений (ср. выше о Городе Мучеников), однако оба слова имеют также прочную связь с дохристианской традицией, которая в значительной мере сформировала героический Сасунский эпос. Арм. *agi* связано и со словом *ayr* «мужчина» и с эпитетом *ayra* «благородный, иранский, арийский (!)»; кроме того, в эпическом фрагменте этим эпитетом характеризуется царь II в. до н.э. Арташес (Артаксиас I, ср. Мовсес Хоренаци II.50. – См.: Russell J.R. *Bosphorus Nights: The Complete Lyric Poems of Bedros Tourian* // *Harvard Armenian Texts and Studies* 10. Cambridge, MA, 2006. P. 149, о непрерывном отражении этого отрывка в армянской поэзии). Слово *k'aj* «смелый», неременный эпитет в героическом эпосе, в армянской мифологии отсылает также к высокородной расе горных гигантов и сходным образом отражается вплоть до наших дней (см.: Russell. *Tourian*// *Ibid.* P. 64).

74 Сложность этой фразы типична для поэзии Нарекаци. Она драматически привлекает внимание читателя к вводимой здесь важной теме моря, которая будет неоднократно встречаться до конца молитвы. Арм. *laynatsaval tsp'anats' ashkharhis tsovu*: пример аллитераций, где трижды повторяется звук /ц/, в третий раз – после появления аллофона, который усиливает общий резонанс, вызванный повторением спиранта /в/ (*tsav... tsov*); /о/ и /у/ в третьем элементе также отличают его, учитывая предшествующее преобладание гласной /а/.

75 Ковчег (арм. *Tarap*) покоится на горах Арарата, так что Нарекаци вновь вводит многочисленные отсылки к мотивам потопа, спасения и восхождения, а также указывает на армянский локус предвосхищения Исхода израильтян, подтверждая, таким образом, не только превосходство христианской Армении перед древними евреями как истинного Израиля, но и ее большую древность. Другое значение слова *tarap*, как и в языках других христианских народов, – “гроб”, так что метафора вознесения души из тела в гробу вновь повторяется в той же фигуре речи. Арм. *Navahangist* (букв. «отдых корабля») вновь повторяет тему Ковчега и Арарата, тогда как *t'r'ruts'eal*, каузативное прич. от *t'rrch'im* («летать»), несет в себе многочисленные значения, связанные с парусом, с освобожденной крылатой душой и с голубем (мира, Святого Духа), вылетающим из ладоней Ноя, чтобы вернуться с оливковой ветвью добрых вестей.

76 Арм. *ancharr aneghts ev ansteghts*: похоже, что во фразе некоторым образом закодирована Троица: *charr* («речь») означает «Логос», *egh-* – начало Творения, и *anegh* – Бога без начала. Фраза также содержит анаграмму *a-st-va-ts* («Бог»). В гл. 3:1 «Книги скорбных песнопений» Нарекаци именует Бога *hastogh hogvots' hats'* («хлеб, Опора душ»). Так же, как фраза в нашей главе объединена тремя апофатическими определениями с негативным префиксом *an-*, так и та фраза обозначена тремя словами на *h-*. В ней тоже закодировано *ast-ov-ats* («Бог») на этот раз не как анаграмма, а в акрофонической последовательности; три существительных Опора, Душа и Хлеб (ср.: *Nic est corpus...*) вновь, еще очевиднее, символизируют Троицу: Творца, Святого Духа и воплощенного Сына. Арм. *Astuats* («Бог»), весьма вероятно, происходит от *hast-em* («творить, поддерживать»).

77 Эти эпитеты вызывают образ спасителя утопающих, который народные легенды перенесли из области метафорической спасительной силы Бога в сферу местных чудес, которые творил сам святой. См. также ниже, прим. 81.

78 В армянском тексте употреблено выражение *mato matn*; здесь достаточно четко рисуется картина, в которой рука и палец Бога символизируют Его волю как в армянской иконографии, так и в сцене сотворения Адама в Сикстинской капелле.

79 В оригинале арм. *kendanagrea* («нарисовать портрет», 2 л., имперфект) – калька с греч. *Zfgraphf* (букв. «писать жизнь»). Здесь автор просит Бога вновь вдохнуть в него, обновить Его собственный образ, *k'oyinasteghts patker*. Последнее слово – заимствование из парфянского (ср. перс. *paugar*). Первое слово сложено из арм. *k'o* («твой»), усиленного адъективированным суффиксом принадлежности *-yın*, к которому добавлено слово *steghts-* («творить»). Такие неологизмы типичны для Нарекаци, которому необходимо было приспособить язык к своим сложнейшим концепциям. Иранское слово обозначает как изображение, так и образ: в Сасанидской надписи в Накш-е-Ростам в качестве его греческого эквивалента используется слово *prosfron* (букв. «лицо»). (Об употреблении слова *patker* в армянском см.: Russell J.R. *The Scepter of Tiridates* // *Le Musйon* 114.1-2. 2001. P. 190–191, n. 11 [=AIS. P. 1138–1139]). Таким образом, поэтико-мистическое умножает измерения *ut pictura poesis* в своего рода (позволим себе неологизм) метекфрасис: Адам, сотворенный по образу Божию, преобразуется перстом Бога (см. выше игру слов с *matn* «палец») и пламенным дыханием в Нового Адама.

80 Использование в строфе трех отрицаний должно немедленно привлечь любопытство внимательного читателя Нарека. Речь идет о пути в иной мир, так что используемое в оригинале слово «несовершенный» (*ankatar*) отсылает к тем, чьи жизни были «усовершенствованы» мученичеством: арм. *katarem* – обычный термин для обозначения смерти святого человека. В других местах Нарекаци употребляет выражение *aradzerrn ant'oshakut'iuns*. Первое слово означает «с пустыми руками» и, возможно, метафорически относится к собственным деяниям. Арм. *t'oshak*, иранское заимствование, означает, как и персидское *tyshah*, «припасы в дорогу». Так, Санаи писал: «О, виночерпий! Дай вина мне, ведь без него не избежать пути аскетов-материалистов. / Зороастризм или путь каландари станет подмогой на духовном пути». Проф. М. Субтелны из Университета Торонто отмечает: в поэме Низами «Лейла и Меджнун» влюбленная девушка говорит матери, что она возьмет свои любовные муки, как припасы в дорогу (*rvh-tyshah*) для Меджнуна, т.е. в могилу и дальше. В современном армянском *t'oshak* – это не то, что человек берегает для себя, а стипендия или грант. Так что, возможно, в Нареке *aradzerrn* обозначает то, что человек не взял сам, а *ant'oshak* означает то, что человек не получил, и относится именно к благодати.

81 В оригинале арм. *aspatak*, от иран. *asp* («лошадь»), и *hen*, от авест. *Накп* – «(вражеское) войско», вызывает в воображении яркую картину полукочевых разбойников-наездников, которые терроризировали армянскую территорию, делая жизнь оседлого населения ежеминутно опасной. В следующих строках в оригинале продолжается сравнение с сельскохозяйственными занятиями.

82 Здесь Нарекаци в оригинальном тексте использует арсенал армянской ономапии, вызывая образ утопления, к которому он обращался ранее: *ughkh-k'* («река, ручей») и *oghogh-ests'en* («заливать», 3 л. сослагательного аориста).

83 В оригинале в этих строках рисуется образ человека, тонущего и схваченного водным драконом-вишапом, а затем спасенного, возвращенного к солнечному свету и воссевшего во

славе. В этой метафоре, по всей видимости, можно увидеть отсылку к рассказу о пророке Ионе, который изображен на рельефе в Ахтамаре, недалеко от Артера, напротив Нарекаванка. Еще сильнее она отразилась в сложившихся в районе Вана фольклорных повествованиях о вишапах. В свою очередь, эти строки, очевидно, повлияли на складывание легенды о спасении Нарекаци тонувшего ребенка, а также, с добавлением легенды об Артере, на те версии Сасунского эпоса, в которых упоминается островок святого.